

«... откладывается до более благоприятного времени»: О Кольской экспедиции Фритьофа Нансена

Tamara Lönngren

UiT – The Arctic University of Norway, Tromsø

ABSTRACT

In spring 1926 the Institute for Comparative Research in Human Culture in Norway appointed Fridtjof Nansen as project leader of a scientific expedition to the Kola Peninsula for comparative study of its indigenous population. Nansen himself worked out the plan of the expedition. According to the plan, it was a Norwegian expedition with international participants: Four Norwegians, two Finns, two Russians, one Swede and one American. Under these conditions, the expedition got the financial support of the Laura Spelman Rockefeller Memorial. The main difficulty of the project was that the expedition had to take place on the territory of the newly-built Soviet state. In view of this, when appointing Nansen as leader, one was hoping that his authority and friendly relationship with the Soviet government would help to solve foreseeable problems. Nevertheless, despite all efforts, Nansen was refused by the Soviet government, and the expedition was not realised. The present article is based on previously unknown materials found in Russian archives and highlights the way in which the Soviet side dealt with the issue of Nansen's expedition. Several newly found documents have been analysed, including Nansen's letter to Čičerin, the project description made by Nansen and then corrected for the Soviet side, and several Soviet documents classified as secret.

KEYWORDS

The Norwegian Institute for Comparative Research in Human Culture, Laura Spelman Rockefeller Memorial, Kola Peninsula, Committee in Aid of the Nationalities in the Northern Regions, Fridtjof Nansen

Вскоре после организации норвежского Института сравнительных исследований в области культуры (ISKF)¹ одним из его ведущих направлений стало сравнительное изучение

¹ Institutt for sammenlignende kulturforskning: 1922–72 (Amundsen 1972). Список сокращений представлен в конце статьи.

коренных народностей Арктики. К этому времени уже активно велись исследования на арктическом побережье Америки, Финляндии, Швеции, Норвегии. Однако для решения сложных вопросов, связанных с определением направления миграции, необходимо было провести аналогичные исследования и на обширных арктических территориях, принадлежащих только что образовавшемуся советскому государству.

Инициатором проекта научной экспедиции для сравнительного изучения коренного населения Кольского полуострова был профессор Сульберг (Kyllingstad 2008, 344–47). Этот проект сразу же был признан перспективным, и в конце 1924 года он был утвержден руководством ISKF. Однако вскоре после утверждения, весной 1925 года, Сульберг, неожиданно и без объяснений, от своего проекта отказался. Как следует из неопубликованных дневниковых записей директора института Фредрика Станга, причин для отказа у автора проекта могло быть несколько, и одна из них заключалась в том, что Сульберг раньше других понял, что в создавшихся политических условиях осуществить задуманную экспедицию на советской территории будет невозможно (Kyllingstad 2008, 348). Если принять во внимание настроения, сложившиеся в норвежской интеллектуальной среде по отношению к действиям советского правительства в начале 1925 года (Лённгрен 2018, 7–17; Миклебуст 2018, 18–33), то именно эта причина отказа Сульберга представляется наиболее правдоподобной.

Назначая Нансена ответственным за проект, руководство ISKF принимало во внимание его глубокие знания и серьезные научные интересы в этой области (Jølle 2000, 2004, 2011; Kyllingstad 2008).² Однако самые большие надежды в решении проблем, связанных с осуществлением проекта в сложившихся политических условиях, возлагались на его дипломатический опыт, авторитет политического деятеля и друга России (Jølle 2000, 2004; Vogt 2007; Kyllingstad 2008). И эти надежды были обоснованными, поскольку к тому времени Нансен уже получил международное признание человека-легенды, в том числе и в глазах советской верхушки. Так, советская посланница А. Коллонтай, посетив Нансена с дружеским визитом в Люсакере в апреле 1923 года, оставила в своем дипломатическом дневнике такую запись:

Большой человек Нансен и обаятельный. Чудесные у него глаза, синие и умные. В них отражена его неумолимая решимость и воля. Что-то в них застывшее и холодное, как полярные льды. Но когда Нансен улыбается, в этих глазах точно засветится луч солнца.

² Интерес Нансена к истории заселения Кольского полуострова возник задолго до указанного проекта. Не владея русским языком, Нансен не мог читать научную литературу по этой проблеме, написанную по-русски, поэтому он обращался за помощью к Олафу Броку, который на протяжении многих лет помогал легендарному земляку (Лённгрен 2019).

Высокий, крепко скроенный и гибкий он. Это титан, а не просто человек. (Коллонтай 2001, 110)

Однако в действительности оказалось, что добиться у советов разрешения на экспедицию этому титану-человеку не помогли ни его ум, ни мужество, ни дипломатический опыт, ни сила воли, ни талант убеждения: советское руководство использовало им же, этим руководством, только что изобретенную и потом десятилетиями оттачиваемую методику отказа для того, чтобы экспедиция человека-легенды и верного друга России Фритьофа Нансена на Кольский полуостров не состоялась никогда.

Первое научное описание несостоявшейся экспедиции Нансена на Кольский полуостров сделано в работе Jølle 2000.³ Автор тщательно изучил архивные материалы ISKF, хранящиеся в Норвежской Национальной Библиотеке (NB), газетные материалы того времени (Jølle 2000, 145) и на основе изученных документов изложил суть самой экспедиции, определил роль Нансена в ее подготовке, а исходя из переписки, хранящейся в NB⁴, перечислил неудачные попытки Нансена в достижении договоренности с советской стороной и высказал предположение, что в сложившейся политической ситуации экспедиция вряд ли могла состояться, даже если бы Нансен и добился договоренности (Jølle 2000, 8–11).

Автор следующего исследования, Kyllingstad 2008, в котором речь идет об этой экспедиции, за основу взял положения работ Jølle 2000 и Jølle 2004, расширил их важными сведениями о роли Сульберга и ценными материалами из неопубликованных дневников Фредрика Станга.

Обе эти работы, гармонично дополняя друг друга, всесторонне и глубоко освещают вопрос подготовки экспедиции норвежской стороной. Выводы в обоих исследованиях сделаны на основе тщательно изученных документов, в том числе и неопубликованных архивных материалов, но, к сожалению, в этих работах не были учтены архивные документы, хранящиеся в России, поэтому и важный вопрос о том, почему, собственно, Нансен не получил разрешения от советской стороны, остался без ответа.

В работах Myklebost 2010; 2011, Миклебуст 2013; 2015 обобщаются сведения, приведенные в исследованиях Jølle 2000; 2004, Kyllingstad 2008, добавляется ссылка на два письма, хранящихся в Архиве Русского Географического общества (АРГО) в Петербурге⁵ и высказывается предположение о нецелесообразности экспедиции Нансена, поскольку к

³ См. также более поздние работы этого автора: Jølle 2004; 2011.

⁴ NB Ms. fol. 1924, 11C; Ms. fol. 1924, 6A₁.

⁵ Письмо секретаря Комитета содействия народностям северных окраин (КСНО) С. А. Бутурлина в Русское Географическое общество (РГО) от 17.9.1926 и письмо председателя Географического общества Ю. М. Шокальского в Главное управление научных учреждений от 12.11.1926: АРГО, ф. 1-1926, оп. 1, № 18.

этому времени уже состоялась экспедиция Д. А. Золотарева, о которой Нансен не знал. В работах К. А. Миклебуст экспедиция Нансена была названа «норвежско-советской».

Впервые упоминается о несостоявшейся экспедиции Нансена в работе Файнштейн 1996, 42⁶, но эта работа со ссылкой на важный архивный источник не была учтена ни в одном из названных выше исследований.

Поскольку архивные документы об этой экспедиции не опубликованы, но важны для понимания сути происходившего, ниже будет приведено их краткое содержание. Неизвестные ранее документы, обнаруженные мною осенью 2016 года в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии Наук (СПФАРАН), публикуются полностью (Приложения 1–7).

В исследованиях Jølle 2000, 2004 и Kyllingstad 2008 неоднократно подчеркивается, что работа над проектом Кольской экспедиции проходила под руководством и при непосредственном участии Нансена. Что же касается переписки с советской стороной, то ее вел лично Нансен.

Пользуясь личным знакомством с министром НКВД Георгием Васильевичем Чичериным, в начале мая 1926 года Нансен написал ему неофициальное письмо.⁷ В этом письме он рассказал о норвежском проекте по изучению арктических народностей и планах провести международную экспедицию сначала на Кольский полуостров, а затем продолжить исследования, двигаясь дальше на восток. Также Нансен сообщил, что его институт заявил о финансовой поддержке в американский фонд Рокфеллера, но поскольку уверенности в получении достаточной суммы пока нет, то официально он не сообщает советскому правительству о планах экспедиции, но неофициально уверяет Чичерина в своей надежде на положительный результат.

Следующее письмо к Чичерину было официальным (Приложение 1).⁸ В нем Нансен, ссылаясь на свое неофициальное письмо, сообщает, что необходимое финансирование для экспедиции получено, и это позволяет ему обратиться к советскому правительству за поддержкой и разрешением начать переговоры с заинтересованными научными кругами советской республики. Он пишет, что для сбора материалов, выработки программ и т. п. в ISKF образован комитет, и он, Нансен, является его председателем. К письму прилагался меморандум, содержащий описание этой экспедиции (Приложение 2). Нансен подчеркивает, что ввиду ограниченности средств объем экспедиции должен быть ограничен. Он также сообщает, что в экспедиции будут участвовать четыре норвежских исследователя и выражает

⁶ Благодарю за помощь в предоставлении копии этой статьи Е. А. Лавринайтис и М. В. Поникаровскую.

⁷ Письмо Ф. Нансена к Г. В. Чичерину от 5.5.1926: NB Ms. fol. 1924, 6A₁ (англ.). Здесь и далее: если письмо цитируется в переводе, то в скобках после шифра указывается язык оригинала.

⁸ Письмо Ф. Нансена к Г. В. Чичерину от 25.6.1926: СПФАРАН, ф. 347, оп. 2.

надежду, что к ним присоединятся иностранные научные эксперты и представители русской науки.

Как видно из этого письма и меморандума, никаких планов «норвежско-советской» экспедиции у Нансена не было, он писал о норвежской экспедиции с международным участием, включающим представителей советской науки. Это важное уточнение, поскольку определение «норвежско-советская экспедиция» исключает участие в ней представителей других стран, что противоречит как самой идее Нансена, так и описанию проекта.

Сравнение архивных документов, хранящихся в NB, с документами, недавно найденными в СПФАРАН, свидетельствует о том, что меморандум, который Нансен послал Чичерину, не был идентичен норвежскому описанию проекта. Русский вариант был составлен на основе более полного описания проекта, представленного Нансеном на рассмотрение ISKF. В норвежском описании, в отличие от его русской версии, по поводу состава экспедиции Нансен высказывается более конкретно:

Так как представленные здесь задачи близки Норвегии и норвежской науке, мы будем в состоянии организовать экспедицию в основном из норвежских ученых. [...] Поскольку шведская, финская и русская наука сделали большой вклад в изучение данных проблем, будет естественным привлечь к участию представителей этих стран. [...] Также [...] мы были бы счастливы видеть в составе экспедиции и представителей американской науки.⁹

В ответе Нансену Чичерин положительно отозвался о представленном проекте и незамедлительно дал соответствующие распоряжения сотрудникам НКВД.¹⁰ В соответствии с этим указанием и был запущен сложный советский бюрократический механизм для решения вопросов по организации экспедиции Нансена.

Уже через неделю сотрудник НКВД Семен Иванович Аралов в письме председателю КСНС Петру Гермогеновичу Смидовичу переслал копию второго письма Нансена и сообщил, что вопрос Кольской экспедиции передается из ведения его в дипломатическом порядке в органы, которые будут заниматься этим в СССР. Аралов также написал о том, что КСНС необходимо взять на себя инициативу организации особой комиссии, которая будет заниматься вопросами этой экспедиции, и дал указания по составу комиссии: кроме ученых, в нее должны входить представители НКВД и ОГПУ. Он также сообщал, что НКВД запросил заключения у ОГПУ, и дал Смидовичу поручение уведомить Нансена, что в случае

⁹ NB Ms. fol. 1924, 11C (норв.).

¹⁰ Письмо Чичерина с ответом Нансену не сохранилось, но о том, что такое письмо было написано 30.7.1926 и о его содержании речь идет в письме заместителя Чичерина, М. М. Литвинова, к Нансену от 24.8.1926.

учреждения особой комиссии все дела должны вестись непосредственно с ней (Приложение 3).

В конце августа Литвинов сообщил Нансену, что КСНС рассматривает норвежское предложение проведения исследования арктических племен как имеющие очень важное значение и для научных, и для практических целей. В свою очередь, КСНС сообщает, что в ближайшем будущем советские ученые, со своей стороны, начнут важную статистическую работу по исследованию северной России.¹¹ КСНС выражает готовность оказать норвежским исследователям любую помощь в работе и уверен, что тесное сотрудничество норвежских исследователей с соответствующими институтами советского правительства, в частности, с Академией наук СССР, и возможности, которые позволят им использовать весь материал этой экспедиции, станут большим шагом вперед в области научного исследования жизни национальностей северных окраин. Литвинов также подчеркнул, что советское правительство оставляет за собой право отказать в допуске в страну лицам, участие которых оно сочтет нежелательным по личным причинам или на основании их национальности. Письмо Литвинов заканчивает словами: «С искренними заверениями в поддержке Вашего начинания».¹²

Поверив в искренность слов Литвинова, Нансен высказал заверения, что если будет позволено советским правительством, то он незамедлительно, сразу же после получения официального ответа свяжется с советскими исследовательскими институтами и с Академией Наук СССР (Nansen. Brev. V, 22).

Из датировки внутренней советской переписки следует, что руководство КСНС, приступив к созданию специальной комиссии, сначала обратилось к правительственным организациям, и только потом – к представителям академических структур. Уже в начале сентября Аралов в ответе на запрос КСНС по этому поводу сообщил, что в НКВД «не встречается возражений к организации комиссии для разработки некоторых вопросов, связанных с экспедицией д-ра Нансена для изучения народов Кольского полуострова». (Приложение 4).

В письме ученого секретаря КСНС Сергея Александровича Бутурлина в РГО, датированном семнадцатым сентября, содержится просьба выделить представителя в комиссию по экспедиции Нансена и сообщается, что первое заседание намечено на тридцатое сентября.¹³ К письму прилагается заключение об экспедиции Нансена,

¹¹ Имеется в виду порайонное описание России, о чем будет сказано далее. Следует заметить, что в письме Литвинова к Нансену нет и намек на то, что эти районы уже изучались советскими учеными в направлении, предусмотренном проектом Нансена.

¹² Письмо М. М. Литвинова к Ф. Нансену от 24.8.1926: NB Ms. fol. 1924, 11С (англ.).

¹³ По просьбе нескольких участников заседание было перенесено на 15.10.1926: АРГО, ф. 1–1926, оп. 1, № 18.

составленное Бутурлиным (Приложение 6). Трудно не заметить, что написано это заключение в высшей степени виртуозно с точки зрения обхождения всех возможных подводных бюрократических камней, неизбежных при осуществлении иностранного мероприятия на советской территории. Само же содержание заключения не оставляет сомнения в том, что сам Бутурлин, талантливый исследователь-орнитолог и опытный администратор, был положительно настроен и всячески поддерживал осуществление экспедиции Нансена.

Понимая, по поводу каких «острых углов» в проекте Нансена у советских чиновников могут возникнуть нежелательные вопросы и возражения, Бутурлин заранее их сглаживает. Так, например, он особо подчеркивает, что авторитет известного друга советской республики Нансена и крупных норвежских профессоров являются гарантией не только совершенной научной серьезности экспедиции, но и полного отсутствия каких бы то ни было посторонних интересов, кроме чисто научных, другими словами, шпионить и вести подрывную деятельность против страны советов эти представители враждебного западного мира не будут. Финансирование из американского фонда тоже могло вызвать негативную реакцию, но Бутурлин не только предусмотрительно указывает на то, что этот фонд является чисто научной организацией, но и напоминает, что на средства этого фонда уже велись работы по изучению народностей севера выдающимися русскими учеными Иохельсоном и Тан-Богоразом.

Всесторонне обоснованное заключение Бутурлина сводится к тому, что начинание Нансена следует всемерно поддержать и для этого организовать при КСНС особую комиссию. Что же касается состава комиссии, то в соответствии с указаниями Аралова (Приложение 5) он рекомендовал представителей от НКВД и ОГПУ, а также Главнауки Наркомпроса, Академии Наук, РГО, Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

По окончании подготовительных мероприятий по учреждению комиссии и назначения даты ее первого заседания, Бутурлин, неукоснительно следуя указаниям того же Аралова, сообщил Нансену, что КСНС готов оказать всякое возможное содействие норвежской экспедиции при условии участия в ней советских научных работников, а также проинформировал о создании при КСНС специальной комиссии, заседание которой намечено на пятнадцатое октября (Приложение 5).

Как следует из приведенных выше документов, ни в одном из них нет никаких упоминаний ни о совместной организации экспедиции, ни о совместном норвежско-советском руководстве. Единственное условие, которое подчеркивается в письмах

Литвинова и Бутурлина – это участие в экспедиции советских ученых. Это условие никак не противоречило ни норвежскому проекту, ни условиям американского финансирования.

Все письма Бутурлина о создании комиссии в соответствующие советские инстанции сопровождалась копией норвежского меморандума, в котором одно из обоснований необходимости проведения экспедиции заключалось в том, что на советской территории, в отличие от соседних западных, не было сравнительных исследований северных народностей. Ни авторы норвежского проекта, ни его руководитель Нансен, ни опытный Бутурлин не смогли предвидеть, что именно этот пункт в меморандуме будет воспринят советской стороной не только крайне серьезно, но и опасно болезненно.

Как следует из документов, хранящихся в АРГО, за три дня до первого заседания комиссии, под грифом «секретно» и за тремя подписями высокопоставленных чиновников Наркомпрос направил в адрес РГО два запроса: один касался срочной подготовки библиографии по теме изучения северных народностей, а в другом требовалась срочная информация об имеющихся неопубликованных работах по указанной теме. Вся дальнейшая переписка по этому вопросу в советских инстанциях тоже велась строго под грифом «секретно». Сравнение фактов из этой секретной переписки с формулировками в письмах, адресованных Нансену, свидетельствует о том, что под грифом «секретно» скрывалось истинное плачевное положение дел,¹⁴ а в письмах иностранцу, выдавая желаемое за действительное, приводились доказательства блестящих достижений советской науки в изучении коренного населения Кольского полуострова.

Мероприятия по подготовке норвежской экспедиции советской стороной следовали своим чередом. На первое заседание специальной комиссии по разработке вопросов, связанных с изучением народностей Кольского полуострова были приглашены, кроме соответствующих правительственных учреждений, ряд научных учреждений и обществ.¹⁵ Из научных сотрудников постоянным членом этой комиссии был Бутурлин, а также представители АН СССР: ученый секретарь комиссии по изучению племенного состава СССР С. И. Руденко, руководитель исследований населения Карело-Мурманского края Д. А. Золотарев, представитель РГО зоолог и путешественник Б. М. Житков, представитель Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии этнограф С. В. Максимов, представитель Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока антрополог В. В.

¹⁴ Например, в ответе на указанный выше секретный запрос Главнауки исполняющий обязанности председателя РГО Герасимов 25.10. отправил под грифом «секретно» такое сообщение: «В настоящее время РГО располагает двумя совершенно готовыми работами в области изучения лопарей: 1. Визе, Лопарские сказки (работа написана в 1900 годы, 3 печатных листа); 2. Хордикийнен, Население побережья о. Имандра (работа написана в 1924–25 г., 1 печатный лист с 10 иллюстрациями).»: АРГО, ф. 1–1926, оп. 1, № 18.

¹⁵ Заседание началось в 11 утра, 15 октября, в Москве, в здании на улице Воздвиженка, 4, угол Моховой, на третьем этаже, в квартире 12.

Бунак, представитель Главнауки Наркомпроса А. Р. Эйгес. Председателем комиссии был начальник Главнауки Наркомпроса Ф. Н. Петров, его заместителем был С. А. Бутурлин и секретарем – сотрудник КСНС Ф. Р. Богданов.¹⁶

Протокол этого заседания найти не удалось, но восстановить развитие событий на этом заседании помогло отысканное в АРГО письмо участника заседания Житкова,¹⁷ адресованное Шокальскому:

Многоуважаемый Юлий Михайлович,

Простите, что замедлил несколько сообщить Вам о результатах первого заседания комиссии по норвежской экспедиции на Кольский полуостров. Первоначально сложившееся намерение оказать норвежцам неограниченное содействие подверглось некоторой критике на заседании. В результате в проекте ответа на вопрос Нансена (проект этот на днях разослан участникам совещания на просмотр) есть некоторая кислота. Вот, между прочим, что есть в этом ответе: «...существенным является [...] установить принцип, что все научные лекции по археологии, антропологии и этнографии, собранные предполагаемой экспедицией, являются достоянием СССР». (!)

В другом месте проект указывает на многочисленные научные интересы, которые русская наука имеет в области фаунических и гидрологических вопросов, связанными с промыслами Финмаркена, Новой Земли и проч[их] частей Ледовитого моря.

«Политические границы иногда затрудняют подобные научные исследования, но, вступив на почву взаимного общения и сотрудничества, Норвегия и СССР должны далее иметь возможность развивать эти работы на почве взаимных услуг».

Комиссия, между прочим, сделала постановление – просить Главнауку отпустить Географическому обществу 300 рублей для составления библиографического указателя по Кольскому полуострову.

Если нужны будут Вам еще какие-нибудь сведения по этому делу, – напишите. Желаю Вам доброго здоровья.

Б. Житков

Из содержания этого письма следует, что на самом заседании настроение действительно изменилось в сторону критического, но всё-таки там не было речи ни о требовании совместной организации экспедиции, ни об условии совместного советско-норвежского руководства.

¹⁶ Из письма С. А. Бутурлина к Ф. Нансену от 9.11.1926: NB Ms. fol. 1924:11C.

¹⁷ Письмо Б. М. Житкова к Ю. М. Шокальскому от 2.11.1926: АРГО, ф. 1-1926, оп. 1, № 18.

Вряд ли могут быть сомнения, что это письмо, по форме и содержанию больше похожее на докладную записку, было написано не по инициативе автора, а по просьбе председателя РГО Шокальского, который членом комиссии не был, но очень интересовался информацией о проекте Нансена. Можно было бы предположить, что русский исследователь был заинтересован судьбой экспедиции своего норвежского коллеги, с которым переписывался в течение 25 лет,¹⁸ чтобы при необходимости в нужный момент поддержать его своим мощным авторитетом в преодолении лабиринтов советской бюрократии, но факты, запечатленные в архивных документах, свидетельствуют о других намерениях Шокальского.

В то время, когда над норвежским проектом начали сгущаться первые сумерки, Фритъоф Нансен, успокоенный заверениями высокопоставленных советских лиц в положительном решении вопроса об экспедиции, обдумывал практическую сторону ее организации, о чем и написал в Тромсё Кристиану Ниссену, на которого предполагалось возложить практическое руководство проектом: «Поскольку я получил из России любезный ответ, проведение экспедиции на Кольский полуостров теперь можно считать делом решённым, [...] поэтому хочу написать Вам несколько строк насчёт пары вопросов, над которыми, думаю, уже сейчас следует серьёзно поразмышлять». Нансен пишет о необходимости покупки двух судов, которые зимой, т. е. не в сезон, должны продаваться дешевле, а также о закупке оленьих шкур на спальные мешки для экспедиции. Он полагал, что дешевле всего было бы купить сухие осенние оленьи шкуры прямо у лопарей, и чтобы лопари сами их выделали. Он имел в этом деле положительный опыт, поскольку сам занимался закупками шкур при подготовке к экспедиции на «Фрам-е», и полагал, что это было очень полезно. Заканчивается письмо очень оптимистично: «Гороплюсь отправить это письмо, поскольку считаю, что о снаряжении необходимо подумать заранее, ведь до нового 1927 года остаётся уже не так много».¹⁹

Но не прошло и двух месяцев, как оптимизм Нансена сменился обеспокоенностью, поскольку лестные заверения советской стороны сменились категоричными формулировками невыполнимых условий. В письме Бутурлина к Нансену об итогах первого заседания специальной комиссии были названы не только два требования, о которых речь идет в приведенном выше письме Житкова, но и другое, противоречащее как уже полученным заверениям советской стороны, так и условиям финансирования проекта.²⁰

¹⁸ АРГО, ф. 16, оп. 4, № 176. Как любезно сообщила заведующая АРГО Мария Федоровна Матвеева, последнее письмо Нансена к Шокальскому датировано 1925 годом, т.е. переписка, длившаяся четверть века, прекратилась, и в 1926 году, когда Нансен добивался разрешения проведения экспедиции, они уже не переписывались.

¹⁹ Письмо Ф. Нансена к К. Ниссе от 18.10.1926: NB Ms. fol. 1924: 6A₁ (норв.).

²⁰ Письмо С. А. Бутурлина к Ф. Нансену от 9.11.1926: NB Ms. fol. 1924:11С.

«Забыв» о своих лестных заверениях и обещаниях, советская сторона, без каких-либо оснований, выдвинула условие совместной организации и руководства советско-норвежской экспедицией. Именно в этом письме впервые появляется формулировка «советско-норвежская экспедиция» и требование совместного руководства, о чем не было речи вплоть до первого заседания комиссии.

Но, как следует из содержания приведенного выше письма Житкова, на первом заседании комиссии тоже не было речи об условии совместного руководства, иначе бы Житков о нем написал. Поэтому правдоподобно, что, как невыполнимое требование о совместном руководстве, так и заведомо вымышленные сведения о достижениях советской науки в изучении Кольского полуострова были сформулированы уже после первого заседания комиссии под идеологическим нажимом, чтобы, во-первых, показать приоритет отечественной науки и, во-вторых, не допустить иностранцев к самостоятельному исследованию советской территории.

Как обращение к фактам истории, так и материалы архивных документов дают основания предположить, что в ведущую роль в отказе советскими органами экспедиции Нансена сыграл Шокальский.

Через три дня после того, как Нансену было отправлено письмо с утверждением, что «по изучению населения Кольского полуострова накопился ряд готовых к печати, но еще не изданных, отчетов и работ по вопросам, близким к намечаемой Вами программе кольской экспедиции»,²¹ под грифом «срочно» Шокальский отправил письмо в Главнауки с требованием финансирования экспедиции Золотарева: «Исследование лопарей должно коснуться как их антропологических особенностей, так и хозяйственного их быта и санитарно-гигиенических условий существования. Значение такого научного предприятия совершенно бесспорно, причем интерес его сейчас особенно повышается в связи с последним обширным планом исследований лопарей при участии иностранных ученых. Поскольку дело обстоит таким образом, нам особенно важно провести давно намеченные и частью уже начатые в 1925 году работы. И в числе этих работ лапландская экспедиция Географического Общества должна занять одно из первых мест».²² Шокальский просил у Главнауки отпустить из экспедиционных кредитов по смете на 1926–27 год 1 900 рублей не позднее 10 декабря, поскольку экспедиция должна отправиться в середине декабря.

²¹ Из письма С. А. Бутурлина к Ф. Нансену от 9.11.1926: NB Ms. fol. 1924:11C (англ.).

²² Письмо М. Ю. Шокальского в Главнауки от 12.11.1926: АРГО, ф. 1–1926, оп. 1, № 18. В работе (Миклебуст 2013, 210) ссылка на это письмо приведена к утверждению: «К предложению Нансена положительно отнеслись в ГГО», что противоречит смыслу письма.

Как следует из архивных документов, с середины июля до начала сентября 1926 года Д. А. Золотарев был в экспедиции в Карелии,²³ и никаких срочных мероприятий по изучению лопарей у РГО тогда не намечалось. Спешность появилась в связи с планами экспедиции Нансена. По замыслу Шокальского до начала норвежской экспедиции нужно было во что бы то ни стало провести лапландскую экспедицию РГО и опубликовать результаты.

Экспедицию Золотарева отправляли зимой, что было впервые в истории организации подобных экспедиций в России.²⁴ С одной стороны, дело было спешное, но с другой стороны, трудно не заметить, что обоснование целесообразности проведения экспедиции к лопарям в зимнее время в ходатайствах было беззастенчиво «позаимствовано» Шокальским из меморандума Нансена.

По ходатайству Шокальского Главнауки отпустил на экспедицию 1 000 рублей, позаимствовав эту сумму у КСНС, а перевод оставшихся 900 рублей был обещан РГО после 15 января. Для оснащения экспедиции этих денег было недостаточно, поэтому в конце декабря Шокальский обратился в Ленинградское отделение Главнауки с просьбой дать РГО в долг недостающую сумму, поскольку «экспедиция предполагает закончить полное свое оборудование к 11 января, чтобы выполнить утвержденный план своих заданий».²⁵

Надо отметить незаурядные способности и административный талант Шокальского, проявленные в организации экспедиции Золотарева: несмотря на большие экономические трудности молодой советской республики, экспедиция была обеспечена всем необходимым, включая бесплатный проезд по железной дороге и снабжение врача Ф. Г. Иванова-Дятлова медикаментами для оказания лечебной помощи населению, живущему в тундре.

Исключительно благодаря невероятным стараниям Шокальского, экспедиция Золотарева состоялась. Основная работа экспедиции была выполнена в течение месяца. Одиннадцатого февраля 1927 года в РГО пришла телеграмма от Золотарев: «Прибыли Поной здоровы основное задание выполнено возвращаюсь Терским берегом остальные зимуют в Ионаньге Золотарев».²⁶

С большим трудом собрав средства на обеспечение экспедиции, частично полученные в долг, Шокальский продолжал посылать письма в Главнауку с требованием выплаты обещанной суммы, теперь уже необходимой для погашения долга.

²³ Летом 1926 г. Золотарев работал в Карелии, о чем свидетельствует командировочное удостоверение, выданное ему 14.7.1926 для поездки в Карельскую республику сроком с 15.7. по 1.9.1926 года для научно-исследовательских работ (АРГО, ф. 1–1926, оп. 1, № 18), так что лопарской темой он в этот период не занимался.

²⁴ Кроме руководителя экспедиции антрополога Золотарева, в ее состав входили этнограф В. В. Чарнолуский и врач Ф. Г. Иванов-Дятлов.

²⁵ Письмо М. Ю. Шокальского в Ленинградское отделение Главнауки от 28.12.1926: АРГО, ф. 1–1926, оп. 1, № 18.

²⁶ АРГО, ф. 1–1926, оп. 1, № 18.

На письмо, полученное от Бутурлина после первого заседания комиссии, Нансен ответил в конце января.²⁷ В начале письма Нансен подчеркивает, что это не его личный ответ, поскольку письмо Бутурлина он передал в комитет, планирующий экспедицию, и комитет наделил его правом ответить в соответствии с его, комитета, решением.

Нансен уточняет, что единственная цель этой экспедиции – это сбор материала для сравнительных исследований человеческой культуры, так что объекты изучения во время экспедиции будут ограничены вопросами культуры и национальности. Поэтому из естественных наук будет представлена только антропология. Предполагается, что в экспедиции будет участвовать 10–12 научных сотрудников, включая младших научных ассистентов, поскольку только экспедиция, имеющая такое ограниченное количество участников, может рассчитывать на поддержку ISKF, и только на такое количество участников экспедиция получила финансирование из фонда Рокфеллера. Нарушение названных условий повлечет за собой лишение финансовой поддержки, и экспедиция не состоится.

Нансен также уточняет, что экспедиция планируется ISKF, и он, Нансен, является руководителем этого проекта, но поскольку его личное участие в экспедиции исключено, практическим руководителем экспедиции назначен Кристиан Ниссен из Тромсе. Экспедиция, состоящая из летней и зимней, начнется в Норвегии. Она полностью финансируется ISKF: частично за счет средств, собранных в Норвегии, но в основном из фонда Рокфеллера. Бюджет составляет примерно 200 000 крон и включает стоимость публикации результатов и отчетов экспедиции, поэтому нет никакой необходимости в получении русского гранта.

Относительно состава экспедиции Нансен сообщает, что организаторы старались привлечь в экспедицию исследователей вне зависимости от их национальности, а только тех, кто в научных работах доказал свои способности и сможет внести достойный вклад в осуществление проекта, и таким образом, экспедиция станет международной. «В настоящее время, помимо норвежских участников, мы планируем пригласить 2 ученых из СССР, 2 финнов, одного шведа и одного американца. [...] Что касается собранного материала, то мы исходим из того, что СССР сохранит за собой право владения экспонатами, которые будут собраны на территории СССР. Однако мы надеемся получить разрешение на то, чтобы наш Институт смог сохранить дубликаты, если таковые будут, чтобы добавить их к норвежским коллекциям.» Относительно результатов экспедиции Нансен уточняет, что ISKF сохраняет за собой право собственности и планирует потратить до 50 000 крон на публикации результатов

²⁷ Письмо Ф. Нансена к С. А. Бутурлину от 24.1.1927: NB Ms. fol. 1924:11C (англ.).

экспедиции. Что же касается языка публикаций, то комитет ISKF согласен с русской комиссией в том, что публикациям по данной экспедиции должны быть как на русском, так и на каком-нибудь западноевропейском языке, но ISKF не может оплатить стоимость перевода на русский язык работ, написанных на другом языке, а также стоимость печати русскоязычных изданий. Поэтому ISKF будет признателен, если СССР сможет выдать грант, который покроет эти расходы.

На требование советской стороны совместной организации и руководства ответ Нансена был довольно твердым: «Мы считаем, что полная организация экспедиции в Норвегии и проведение ее исключительно под норвежским руководством должно восприниматься, как само собой разумеющееся [...]. Поэтому мы считаем себя обязанными выступить против любых изменений нашего плана. [...] Запланированные исследования на Кольском полуострове являются непосредственным продолжением тех исследований, которые проводились годами на территории Норвегии. Сейчас мы намерены расширить их на новых территориях, и членами экспедиции будут преимущественно норвежцы, которые ранее достигли хороших результатов в этой работе. Мы уверены, что норвежцы владеют научными и практическими знаниями, необходимыми для организации и проведения такой экспедиции на Кольском полуострове».

Касаясь практических вопросов организации экспедиции, Нансен отмечает, что подготовка к ней масштабна и дорогостояща, поэтому нельзя эту работу откладывать на последний момент, поскольку нельзя быть уверенным в идеальной подготовке, когда все оставлено на потом. «Но мы не можем заняться этой подготовкой, пока не узнаем наверняка, что наша экспедиция сможет начаться».

С большим энтузиазмом воспринял Нансен сообщение об опубликованных русских отчетах, имеющих отношение к Кольской экспедиции, а также о составлении полной библиографии.

В конце письма подчеркивается интерес к этому проекту норвежцев и его важность лично для Нансена: «Интерес к этой экспедиции настолько велик здесь, в Норвегии, и я лично считаю ее столь важной, что я бы даже отправился в СССР, чтобы обсудить детали, если бы это было необходимо. Однако я надеюсь, что это дело будет благополучно улажено и необходимости в поездке не будет».

Ответа на это письмо Нансену пришлось ждать почти пять месяцев. Он был очень обеспокоен молчанием советской стороны и в начале марта написал главе Норвежской дипломатической миссии в Москве министру Андреасу Урбюе. Нансен сообщил о том, что в этот день он вместе с директором Стангом нанес визит советскому министру в Осло Александру Макару, чтобы обсудить дело, ускорить процесс и получить ответ от советской

стороны как можно скорее. Проблема заключалась в том, что норвежцы не могли начать серьезную подготовку к экспедиции без достижения полной договоренности с советскими властями по принципиальным вопросам, поскольку требовалась уверенность, что для экспедиции не возникнет препятствий и от неё не придется отказываться. «Мы объяснили это министру, и он пообещал немедленно написать в Москву, чтобы ускорить дело. Я хотел ввести Вас в курс дела, чтобы Вы знали, как обстоят дела, и, если каким-то образом получится так, что Вам удастся что-то узнать о ситуации, мы бы были, разумеется, очень благодарны».²⁸

Получив это письмо, Урбюе связался с Бутурлиным, «сильно сожалевшим о том, что ответа касательно этого дела до сих пор нет. Но сам он долгое время болел, а другой человек, занимающийся вопросом, был в отъезде. Сейчас профессор намеревается как можно скорее созвать заседание специальной комиссии, чтобы обсудить дело».²⁹ В следующем письме Урбюе сообщает Нансену, что он «позволил себе напомнить профессору Бутурлину о ранее упомянутом вопросе. Профессор сообщил теперь, что комиссия обсудила дело,³⁰ и заключение комиссии отправлено в заинтересованные учреждения, чтобы те высказали своё мнение. Как только поступят все ответы – что, по мнению профессора, должно произойти в течение следующей недели, – будет составлен ответ и Вам. Профессор также пообещал, что, как только текст будет готов, Вам будет отправлена телеграмма с изложением основного содержания».³¹

В то время, пока обеспокоенный Нансен ждал официального разрешения советской стороны и всячески старался ускорить затянувшийся процесс его получения, Шокальский писал ходатайства в разные инстанции с просьбой оказать финансовую поддержку для срочной обработки и публикации результатов зимней лапландской экспедиции Золотарева. Восьмого апреля он обратился в три инстанции: в Колонизационный отдел правления Мурманской железной дороги, к председателю Колонизационной комиссии Севзапэкспрес и в Главнауки.

В ходатайствах в первые две инстанции он обосновал свою просьбу следующим образом: «В настоящее время Обществу предстоит срочно произвести обработку этого материала и опубликовать его, так как лишь при этом условии результаты экспедиции могут считаться прочно закрепленными. Указанная задача приобретает особое значение в виду того, что возникают иностранные предположения об исследованиях в этой же области, почему и представляется важным закрепить выводы наших научных работ.»

²⁸ Из письма Ф. Нансена к А. Урбюе от 3.3.1927: NB Ms. fol. 1924:11C (норв.).

²⁹ Из письма А. Урбюе к Ф. Нансену от 24.3.1927: NB Ms. fol. 1924:11C (норв.).

³⁰ Второе заседание комиссии по организации экспедиции Нансена состоялось 15.4.1927.

³¹ Из письма А. Урбюе к Ф. Нансену от 19.4.1927: NB Ms. fol. 1924:11C (норв.).

В ходатайстве в Главнауки он пишет не только об опасности, заключающейся в том, что иностранцы интересуются изучением лопарей, но и обращает внимание на постоянные указания иностранцев на неизученность этого вопроса советскими исследователями:

Встает вопрос об обработке и опубликовании обширного антропологического и этнографического материала по лопарям, собранного экспедицией, причем вопрос этот приобретает особое значение в связи с предположениями иностранных исследователей начать работы в этом направлении. Постоянным указаниям иностранцев на неизученность у нас целого ряда вопросов, касающихся лопарей, должны быть противопоставлены данные наших экспедиций и в том числе последней экспедиции под руководством проф. Д. А. Золотарева, собравшей большой и ценный материал. Вместе с тем, ввиду только что отмеченных предположений, было бы весьма важно провести указанную обработку и опубликование в особо срочном порядке.

Но, видимо, эти ходатайства Шокальского о финансовой поддержке остались без внимания, поскольку второго мая он опять обращается в Главнауки с просьбой сообщить, какое распоряжение поступило по его ходатайству от восьмого апреля, а двадцать четвертого мая пишет личное письмо заместителю заведующего Наркомпроса М. П. Кристи.³² Ссылаясь на обещания последнего во время встречи в Москве в середине апреля перевести РГО 900 рублей на обработку результатов экспедиции Золотарева, Шокальский пишет: «Мне кажется совершенно недопустимым, чтобы в то время, как иностранцы стремятся вести работу на Кольском полуострове, мы, осуществив ее, не имеем возможности обработать собранный материал и опубликовать результаты обследования».³³

В начале мая Нансен получил письмо от Бутурлина. Почти пятимесячная задержка ответа объяснялась невозможностью до 15 апреля собрать комиссию, поскольку Бутурлин болел, а Золотарев проводил полевые исследования. Несмотря на все старания Шокальского, денег на описание и публикацию результатов экспедиции, с таким трудом организованной, в апреле еще не было, так что результаты зафиксированы не были.

Письмо Бутурлина было крайне категоричным и содержало все те же невыполнимые условия совместной организации и советско-норвежского руководства: «Эти условия были единогласно выдвинуты специальной комиссией, и комиссия не видит причин изменять свое мнение».³⁴ Но, как уже было показано выше, на первом заседании комиссии об этих

³² Кристи Михаил Петрович (1875–1956), уполномоченный Наркомпроса в Петрограде (1918–1926), заместитель заведующего Главнауки с 1926.

³³ АРГО, ф. 1–1926, оп. 1, № 18.

³⁴ Письмо С. А. Бутурлина к Ф. Нансену от 3.5.1927: NB Ms. fol. 1924:11C (англ.).

требованиях не упоминалось. Что же касается второго заседания, то о его организации и проведении никаких следов в архивных документах не отыскано.

Вряд ли Нансен был удивлен содержанием ответа Бутурлина, но обеспокоен он был до такой степени, что сразу написал двум министрам: Александру Марку и Андреасу Урбюе. Кроме того, письму советскому министру предшествовала их устная беседа, после которой Нансен хотел сказанное закрепить на бумаге. Сначала он пишет об условии советской комиссии относительно взаимности в научных исследованиях: «Для меня является очевидным то, что русские исследователи получают разрешение на проведение исследований на территории нашей страны, как и предложенная нами экспедиция на русских территориях должна была получить такое же разрешение.» И подчеркнул, что этот вопрос в Норвегии, как и в СССР, решается на уровне правительства, а не института.

Что же касается условия совместной организации и советско-норвежского руководства экспедицией, то Нансен приводит вескую причину, из-за которой это условие норвежской стороной выполнено быть не может. Если же советская сторона будет настаивать на его выполнении, норвежцы будут вынуждены от экспедиции отказаться. Но если эта экспедиция не состоится, то это вызовет крайне нежелательные политические последствия: «После того, как Ваше правительство сообщило нам, что мы получим разрешение на экспедицию, эта новость была опубликована, и газеты получили подробные комментарии о планах экспедиции. Если мы сейчас будем вынуждены сообщить тем же газетам, что из-за названных трудностей мы вынуждены отказаться от экспедиции, это произведет плохое впечатление».

В конце письма Нансен замечает, что шведская экспедиция ботаников получила разрешение на проведение летней экспедиции на Кольском полуострове.³⁵ Поэтому он просит найти какое-нибудь подходящее решение и для норвежской экспедиции, например, отправить одну экспедицию русских ученых, а другую – норвежских, чтобы они там работали вместе. (Nansen. Brev. V, 47–48 [нем.]).

Норвежскому министру Нансен написал только для того, чтобы держать его в курсе происходящего. К этому письму от приложил копию своего письма, только что отправленного Марку, и копию письма, полученного от Бутурлина. Он напоминает Урбюе, что сложность ситуации заключается в том, что советский комитет продолжает настаивать на условии совместного руководства. Выполнение этого условия повлекло бы за собой лишение финансирования из фонда Рокфеллера, без которого от экспедиции пришлось бы отказаться. Понятно, что такого решения надо постараться избежать, но что можно предпринять, он не

³⁵ Речь идет об экспедиции на Кольский полуостров шведского профессора ботаники Эрика Хультена (Oskar Eric Gunnar Hultén, 1892–1981) и его двух учеников, которая состоялась летом 1927 года.

знает. Также Нансен сообщает, что Марк обещал написать об этой проблеме Литвинову. Поэтому он считает, что в настоящий момент было бы нежелательно, чтобы Урбюе что-либо предпринимал.³⁶

В июне руководство РГО отправило сообщение в Главнауки о том, что в текущем году РГО была организована лапландская экспедиция, *впервые* в зимних условиях осуществлявшая исследование лопарей восточной части Кольского полуострова. Экспедиция собрала обширный материал, но РГО до сих пор не получило средств на обработку этого материала.³⁷

Осознав бесполезность переписки с Бутурлиным относительно получения разрешения на проведение экспедиции, на его письмо, содержащее все те же настойчивые неприемлемые условия, Нансен отвечать не стал. Он написал личное письмо Литвинову, с первой до последней строчки пронизанное надеждой на здравый смысл и чувство ответственности за данные обещания:

Я нахожусь в очень сложной ситуации, поскольку мне, как председателю нашего комитета необходимо ответить на письмо от 3 мая вашей специальной комиссии, подписанное профессором Бутурлиным. Мои коллеги считают, что в связи с условиями, поставленными в этом письме, проведение запланированной экспедиции невозможно. Однако мне очень трудно отправить такое письмо, поскольку я очень надеялся на сотрудничество с советскими учеными. Поэтому прежде, чем отправить такое письмо, я осмелился написать несколько личных строк Вам, уважаемый господин Литвинов, чтобы попытаться найти возможное решение, поскольку думаю, что это возможно. [...]

Мы чрезвычайно заинтересованы в плодотворном сотрудничестве с вашими авторитетными учеными, и я уверен, что такое сотрудничество дало бы в будущем очень важные результаты. Я искренне надеюсь, что возможно найти такое решение, которое удовлетворило бы ваших ученых, и что мы не будем вынуждены отказаться от нашего проекта. [...]

После Вашего очень доброжелательного письма от 24 августа 1926 года, в котором Вы заявили, что КСНС выражает свою готовность предложить нам любую помощь в нашей работе и т.д. и т.п., мы подумали, что вопрос о нашей экспедиции уже решен, и в мировой прессе была опубликована информация вместе с описанием проекта экспедиции, ее целей и пр.; о проекте было написано много статей. Если

³⁶ Письмо Ф. Нансена к А. Урбюе от 19.5.1927: NB Ms. fol. 1924:11C (норв.).

³⁷ АРГО, ф. 1-1926, оп. 1, № 18.

после всего этого журналисты узнают, что экспедиция не состоится из-за указанных сложностей, то я очень опасаюсь, что это произведет нежелательное впечатление в мировом масштабе, чего хотелось бы избегать любой ценой. Боюсь, что некоторые «доброжелатели» будут только рады воспользоваться предоставленным случаем, чтобы навредить и попытаться использовать это против взаимопонимания между Вашей великой страной и Западной Европой. [...] Как Вы знаете, как только появляется возможность, я пытаюсь делать все, что в моих силах, чтобы встать на защиту вашего народа и хорошего отношения к нему, потому что это крайне важно для будущего. В этом деле я одинок, и я могу или мог бы сделать очень мало, но этот случай все усложнит еще больше и лишит шанса делать добрые дела в будущем.

Я уверен, что Вы понимаете всю сложность моего положения и мне не надо углубляться в детали, поэтому перед тем, как отправить окончательный ответ профессору Бутурлину, я осмеливаюсь спросить Вас: возможно ли найти какой-нибудь выход, чтобы избежать проблем, которые во всех смыслах были бы крайне нежелательными?³⁸

Литвинов Нансену не ответил.

Вопрос финансирования обработки и публикации результатов экспедиции Золотарева не был решен и в октябре. Двадцать первого октября Шокальский отправил ходатайство председателю Колонизационного комитета П. Л. Пахомову все с той же просьбой о финансовой поддержке на печатание результатов лапландской экспедиции, но в этом ходатайстве, в отличие от пяти предыдущих, написанных весной, уже не было упоминаний об угрозе иностранных исследователей. Этот факт может быть косвенным свидетельством того, что в октябре судьба экспедиции была решена окончательно, об этом решении уже знал Шокальский, поэтому и не упоминал больше о такой «угрозе».

В конце октября Смидович сообщил Нансену о том, что из его писем Макару и Литвинову он знает, что на условиях, предложенных специальной комиссией, осуществление норвежской экспедиции на Кольский полуостров невозможно, поэтому «организацию международной этнологической экспедиции в северные регионы СССР придется, к великому сожалению, отложить до более благоприятного времени, которое, надо надеяться, не заставит себя долго ждать».³⁹

Экспедиция Нансена на Кольский полуостров не состоялась. Это был первый случай в истории научных связей Норвегии и соседней молодой республики, когда советская сторона

³⁸ Письмо Ф. Нансена к М. М. Литвинову от 5.7.1927: NB Ms. fol. 1924: 6A₁ (англ.).

³⁹ Письмо П. Г. Смидовича к Ф. Нансену от 27.10.1927: NB Ms. fol. 1924: 11C (англ.).

совершенно бесосновательно с точки зрения здравого смысла отказала норвежским исследователям в проведении научной экспедиции. Во внимание не была принята ни актуальность проекта для изучения истории миграционных процессов на огромных арктических окраинах советского государства, ни бесценная помощь, оказанная этому государству в трудное время руководителем проекта Нансеном. Осенью 1927 года в стране советов начала набирать силу неограниченная власть ОГПУ под руководством молодого и энергичного Ягоды, всемерно поддерживавшего Сталина в борьбе с оппозицией, контрреволюцией и иностранным шпионажем. Граница между страной советов и Западом миром, уверенно наращивая темпы, начала превращаться в непреодолимый барьер, по обе стороны которого оказались советские и норвежские ученые. Руководство ISKF отчиталось перед фондом Рокфеллера о неиспользованном финансировании, и норвежские исследователи занялись другими научными проектами,⁴⁰ а ведущим советским исследователям была уготована совсем другая судьба.⁴¹

С того времени прошло более девяноста лет, в течение которых грозный силуэт барьера изменил свои очертания, благодаря чему было проведено много разных экспедиций, как по международному составу, масштабу, так и по задачам и целям исследования. Но проект Нансена, предполагавший экспедицию масштабную и в то же время компактную, междисциплинарную и в то же время однонаправленную, охватывающую всестороннее изучение коренного населения северных окраин, до сих пор никому осуществить не удалось.

Экспедиция Золотарева ни в какое сравнение с проектом Нансена не идет хотя бы уже потому, что за один зимний месяц, в течение которого, как следует из телеграммы Золотарева, задание было выполнено, антрополог, этнограф и врач не могли сделать ту работу, которая планировалась проектом Нансена для археологов, лингвистов, социологов, антропологов и этнографов в течение летнего и зимнего периодов при условии солидного экспедиционного обеспечения и оборудования, включающего не только наземные средства передвижения, но два судна.

⁴⁰ NB Ms. fol. 1924: 11C.

⁴¹ Так, например, Золотарев в 1930 году был арестован по «делу Центрального бюро краеведения», в 1931 году приговорен к трем годам лагерей, отбывал наказание на Беломорканале, в 1932 году был освобожден досрочно, но в 1933 получил второй арест и приговор к пяти годам лагерей, умер в 1935 году в Сиблаге. Участник его экспедиции Владимир Владимирович Чарнолуский был арестован в 1938 году за контрреволюционную деятельность, пять лет провел в заключении в Каргопольлаге и на Урале, затем был пастухом в подмосковном совхозе. Получив паспорт в 1945 году, не мог вернуться к нормальной жизни из-за психических проблем, полученных в заключении. Известный краевед, геодезист, этнограф Василий Кондратьевич Алымов, внесший большой вклад в осуществление лапландской экспедиции Золотарева, был обвинен в так называемом «саамском заговоре». На основании признаний, полученных под пытками, был приговорен к смертной казни и казнен вместе с пятнадцатью другими подсудимыми, в основном из саамского села Ловозеро, в 1938 году. Члены специальной комиссии по норвежской экспедиции Виктор Валерианович Бунак (антрополог, основоположник советской антропологической школы) и Бориса Михайловича Житков (зоолог, охотовед, эколог, исследователь русского севера) подверглись идеологической травле.

Основными задачами экспедиции Золотарева «были антропологическое и медико-гигиеническое исследование и изучение быта лопарей» (Золотарев 1927, 2), в то время как экспедиция Нансена должна была «изучать существующие племена лапландцев, с их антропологией, этнографией, социологией и лингвистическими особенностями – в особенности, в связи с этнографического и социологического происхождения названиями инструментов и орудий, оленеводческих и охотничьих терминов, местных выражений и т.д. В то же время археологические изыскания должны проводиться с целью выяснения возможно большего об образе жизни и распределения по этом районам этих народностей и других рас, которые могли предшествовать им.» (Приложение 2). Экспедиция Золотарева обследовала населенные пункты только в восточной части полуострова, в то время как норвежская экспедиция планировала исследование побережья и центральных районов. Это были совершенно разные экспедиции, как по масштабам, так и по содержанию.

За время, прошедшее от замысла норвежского проекта до предполагаемого времени проведения экспедиции, ситуация как на Кольском полуострове, так и в советских государственных структурах изменилась кардинально. Дело в том, что в 1920-е годы в молодой советской республике началась активная деятельность по изучению ресурсов для решения проблемы самостоятельного снабжения страны всеми основными видами сырья и промышленности. Создавалось множество комиссий, одной из которых была КЕПС. Совет КЕПС образовал Комитет порайонного описания России во главе с А. Е. Ферсманом. В состав этого комитета вошли Ю. М. Шокальский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг,⁴² С. Ф. Ольденбург, С. В. Платонов и др. Взяв за основу экологический и естественно-исторический признак, комитет разделил страну на 22 хозяйственных района. Описание каждого района опиралось на 17 пунктов: орография и геология; климат; вода; полезные ископаемые; почва; флора; животноводство и промыслы; земельный быт; человек с историко-колониционной точки зрения; человек с этнографической и демографической точек зрения; человек с этнографической точки зрения и т.д. Таким образом предполагалось обеспечить научную базу для экономического переустройства страны по принципу районирования промышленности и сельского хозяйства.

Совещание по проблемам Севера состоялось в середине мая 1920 года в здании РГО. С этого времени Академия наук взяла на себя роль координатора исследовательской деятельности в неисследованных районах страны, в первую очередь северных территорий. В начале июня 1920 специальная комиссия, в составе которой были президент Академии наук

⁴² Именно в личном архиве Франца Юрьевича Левинсона-Лессинга (1861–1939), геолога, петрографа, действительного члена АН СССР, были найдены документы об экспедиции Нансена, которые публикуются здесь впервые.

Карпинский, академик Ферсман, профессор Шокальский и геолог Герасимов, выехала на Кольский полуостров. (Макарова, Петров 2010, 95-97).

Выбор первой поездки комиссии определялся спецификой освоения Карело-Мурманского края. Эта экспедиция стала отправной точкой освоения Кольского севера, поскольку уже при первом знакомстве с природой Хибин стала очевидной перспектива крупных открытий полезных ископаемых. После этой поездки комиссии началось систематическое геологические исследования на Кольском полуострове. В серии экспедиций 1920-х годов особое место занимает экспедиция 1926 года А. Н. Лабунцова, открывшего коренное месторождение апатита. (Каменев 2009, 59). Это открытие положило начало «апатитовой эпопее».

С июня 1926 года, когда Нансен отправил официальное письмо Чичерину, и вплоть до середины октября, т.е. до первого заседания специальной комиссии, о норвежском проекте было известно только НКВД и КСНС, которые доброжелательно к нему отнеслись и всесторонне его поддержали. Два замечания, которые были высказаны во время первого заседания комиссии, были вполне для норвежской стороны приемлемы, но ситуация изменилась во время обсуждения проекта ответа Нансену.

Как было уже отмечено, именно с Кольского севера начался отечественный проект порайонного описания советской республики. Поскольку в советском проекте было несколько общих направлений с проектом Нансена (человек с историко-колониационной точки зрения; человек с этнографической и демографической точек зрения; человек с этнографической точки зрения), советской стороне было бы вполне естественно воспользоваться возможностью изучения этих проблем в составе норвежской экспедиции и учесть ее результаты. Но трудность заключалась в том, что в состав комиссии порайонного описания страны входил Шокальский, который всячески старался противостоять тому, чтобы первенство описаний территорий предоставлялось иностранцам. Об этом свидетельствуют как факты из приведенных выше документов, так и другой пример из его биографии.⁴³ Как было показано выше, благодаря активным действиям Шокальского в проведении экспедиции Нансену было отказано, а результаты экспедиции Золотарева были опубликованы. Таким образом советскими исследователями было достигнуто первенство в описании коренного населения Кольского полуострова. Проблема только в том, что у

⁴³ Так, например, на сессии Международного совета по исследованию морей в 1920 году в Лондоне было решено поручить океанографическое исследование Черного моря Италии, т. к. Советский Союз еще не принимал участия в восстанавливавшейся мировой научной жизни. Узнав об этом во время своей командировки за границу, Шокальский стал ходатайствовать об осуществлении этого дела непременно Советским Союзом и добился этого. В апреле 1922 года Главное гидрографическое управление Военно-морского флота поручило ему взять на себя руководство Черноморской океанографической экспедицией. (Гришин 2011, 436).

норвежцев не было никаких намерений участвовать в соревновании, единственное, чего они хотели – это продолжить многосторонне сравнительное описание коренного населения на территории советской республики, применяя свои методы сбора и обработки материала в области лингвистики, этнографии, антропологии, археологии, социологии.

Отказ советской стороны в разрешении проведения норвежской экспедиции повлек за собой невосполнимые потери в изучении уникального культурного наследия этнической группы, тысячелетия назад оторвавшейся от своего этнического массива, преодолевшей сотни тысяч километров и обосновавшейся на безлюдных северных окраинах. Экспедиция Нансена должна была состояться буквально в последний год до начала бурного промышленного освоения этих территорий и массового переселения рабочей силы из других регионов страны. Известно, какое влияние этот процесс оказал на судьбу коренного населения. Но даже если бы экспедиция Нансена получила одобрение с советской стороны, она вряд ли могла осуществиться в резко меняющейся политической атмосфере советской республики конца 1920-х – начала 1930-х годов. И только благодаря усилиям Шокальского, сведения о лопарях до «апатитовой эпопеи» остались в опубликованных результатах экспедиции Золотарева.

СОКРАЩЕНИЯ

ISKF	Institutt for sammenlignende kulturforskning/Институт сравнительных исследований в области культуры
NB	Nasjonalbiblioteket/Норвежская Национальная Библиотека
АРГО	Архив Русского Географического общества
Главнаука	Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями
КЕПС	Комиссия по изучению естественных производительных сил
КСНС	Комитет содействия народностям северных окраин
Наркомпрос	Народный комиссариат просвещения
НКВД	Народный комиссариат иностранных дел
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление
РГО	Русское Географическое общество
СПФАРАН	Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии Наук
англ.	английский
нем.	немецкий
норв.	норвежский

ИСТОЧНИКИ

NB Olaf Broch, brevs. 337; Ms. fol. 1924: 6A₁; Ms. fol. 1924: 6B₂, Ms. fol. 1924: C11.

АРГО, фонд 1-1926, опись 1, № 18; фонд 16, опись 4, № 176.

СПФАРАН, фонд 134, опись 2, дело 239; опись 3, дело 186; фонд 347, опись 2, дело 1.

ЛИТЕРАТУРА

Гришин, М. Г. 2011. «Исследования физических свойств Черного моря в 1920-е – 1930-е гг.: краткий обзор». В кн. *Екологічна безпека прибережної та шельфової зон та комплексне використання ресурсів шельфу: Збірник наукових праць*, Іванов В.О. (гол. ред.) та інші. 435–43. Севастополь: НВЦ «ЕКОСІ-Гідрофізика». Вип. 25, т. 2.

<http://dspace.nbu.gov.ua/handle/123456789/112801?show=full>

Золотарев, Д. А. 1927. *Лопарская экспедиция Русского Географического общества (11.1.–11.5. 1921)*. Ленинград: Издание государственного Русского географического общества. 47 с.

Золотарев, Д. А. 1928. *Кольские лопари: Лопарской экспедиции Русского Географического общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова*. Ленинград: Издание АН СССР. 207 с.

Каменев, Е. А. 2009. «История открытий хибинских месторождений». *Труды Ферсманской научной сессии Геологического института Кольского научного центра РАН*. Апатиты: Издательство ООО К & М, с. 58–62.

Коллонтай, А. М. 2001. *Дипломатические дневники: 1922–1940*. Том 1. Москва: Academia. 527 с.

Лённгрен, Т. П. 2018. «„Возмутительный поступок профессора Брока“: О книге Олафа Брока „Диктатура пролетариата“». В кн. *Олаф Брок. Диктатура пролетариата*, под ред. Л. И. Заковоротной, 7–17. Москва: Издательство им. Сабашниковых. 224 с.

Лённгрен, Т. П. 2019, У истоков Кольской экспедиции: Фритъоф Нансен и Олаф Брок. *Ученые записки Петрозаводского Государственного Университета*, в печати.

Макарова, Е. И., и В. П. Петров, 2010. «Деятельность Академии наук на Кольском полуострове: к реконструкции истории промышленного освоения Евро-арктического/Баренц региона (1920–1940 гг.)». *Труды Кольского научного центра РАН* 2: 94–104.

Файнштейн, М. Ш. 1996. «Из истории русско-норвежских связей (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук)». В кн. *Российско-*

норвежские контакты: Взгляд из Санкт-Петербурга, под ред. М. Л. Алекшиной.
39–51. Санкт-Петербург: Европейский дом.

- Amundsen, L. 1972. *Instituttet for sammenlignende kulturforskning 1922–1972*. Oslo/Bergen/Tromsø: Universitetsforlaget.
- Fridtjof Nansen. *Brev*. III. 1906–1918. Trondheim: Universitetsforlaget. 1963.
- Fridtjof Nansen. *Brev*. IV. 1919–1925. Trondheim: Universitetsforlaget. 1966.
- Fridtjof Nansen. *Brev*. V. 1926–1930. Tillegg 1888–1925. Trondheim: Universitetsforlaget. 1978.
- Jølle, H. D. 2000. *Hvorfor holder jeg eskimoen for stående over europæerne? Kulturforskaren Fridtjof Nansen og «de arktiske andre»*. MA thesis, University of Tromsø.
- Jølle, H. D. 2004. *Nordpolens naboer* (= *Norsk polarhistorie*, vol. 2), edited by E.-A. Drivenes and H. D. Jølle. Oslo: Gyldendal.
- Jølle, H. D. 2011. *Nansen: Oppdageren*. Oslo: Gyldendal.
- Kyllingstad, J. R. 2008. *Menneskeåndens universalitet: Institutt for sammenlignende kulturforskning 1917–1940. Ideene, institusjonen og forskningen* (Acta humaniora 371).
- Мyklebost, K. A. 2010. «Unikt samarbeid som glapp: Derfor ble det aldri noe av den norsk-sovjetiske Kola-ekspedisjonen». *Nordlys* 20. November, 52–53.
- Мyklebost, K. A. 2011. Fridtjof Nansen og det russiske nord. *Polare jubileer – kunnskap og politikk i nord. Ottar*, № 5. S. 27-32.
- Миклебуст, К. А. 2013. Фритъоф Нансен, Руаль Амундсен и Русский Север (1890-1930 годы). *Новая и новейшая история*, № 1. С. 205-215.
- Миклебуст, К. А. 2015. Planen om en Kola-ekspedisjon. *Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917-2014*. Holtsmark, S. G. (red.), Mankova, P. (bildered.). Oslo. S. 214-215, 656.
- Миклебуст, К. А. 2018. «Олаф Брок и его книга „Диктатура пролетариата“: История написания и резонанс». В кн. *Олаф Брок: Диктатура пролетариата*, под ред. Л. И. Заковоротной, 18–33. Москва: Издательство им. Сабашниковых. 224 с.
- Vogt, C. E., 2007. *Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921–23*. Oslo: Aschehoug forlag.